

ЧИТАЙТЕ КНИГУ — СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!

ГЭВИН
СМИТ

БЛАДШОТ

ОФИЦИАЛЬНАЯ НОВЕЛЛИЗАЦИЯ ФИЛЬМА
РЕЖИССЕРА ДЭВИДА С. Ф. УИЛСОНА,
ОСНОВАННАЯ НА СЦЕНАРИИ ДЖЕФФА УОДЛОУ
И ЭРИКА ХАЙССЕРЕРА

КиноBest

ГЭВИН СМИТ

Бладшот

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Смит Г.

Бладшот / Г. Смит — «Издательство АСТ», 2020 — (КиноBest)

ISBN 978-5-17-121738-9

Злодейски убитый вместе с женой, морской пехотинец Рэй Гаррисон возвращен к жизни засекреченной группой ученых. Благодаря нанотехнологиям, он становится сверхчеловеком, беспощадным киборгом-убийцей – «Бладшотом», ничего не помнящим о прошлой жизни. Однако кое-каких вещей так просто не похоронишь, и, когда память начинает пробуждаться, Рэй отказывается сложить оружие. Неотвязно преследуемый образом убийцы, погубившего его семью, он не останавливается ни перед чем – только бы отомстить. И вдруг раскрывает заговор, далеко превзошедший пределы вообразимого...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121738-9

© Смит Г., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Бладшот	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	20
Глава седьмая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гэвин Смит

Бладшот

**Официальная новеллизация фильма режиссера Дэвида С. Ф. Уилсона,
основанная на сценарии Джеффа Уодлоу и Эрика Хайссерера**

Бладшот

Глава первая

Рэев Гаррисонов на свете имелось двое. Один вечно тревожился об ипотеке, гордился кабриолетом «Форд-Мустанг» 64-го года выпуска, болел за «Уорриорз»¹ и, главное, крепко любил жену. О телах, оставленных им на земле, этот Рэй Гаррисон задумывался разве что изредка. Когда работа настоятельно требовала действия, первый Рэй Гаррисон отправлялся в ящик, под замок, а за дело брался второй Рэй Гаррисон – хладнокровный, ни перед чем не останавливающийся профессионал.

Потому-то здесь, в одном из проулков центра Момбасы², укрывшись в тени, расслабленно привалившись к стене и провожая взглядом бродячего пса, трусящего куда-то по лужам, оставшимся после прошедшего ночью дождя, стоял именно он, Рэй Гаррисон номер два. Несмотря на раннее утро, по всему телу градом катился пот: сквозь бреши меж ветхими зданиями, нависшими над головой, копьями били вниз лучи раскаленного солнца. Казалось, ради подобной работы его нарочно всякий раз отправляют туда, где пожарче. Ну, не считая Афганистана – там, высоко в горах, просто зуб на зуб не попадал, а вот в Ираке тоже стояла жара, только не такая влажная, душная, как здесь, в Момбасе.

Взгляд Рэя привлек рисунок на стене: женщина, глаза завязаны, по щеке катится слеза. Над головой покачивалось стираное белье, проулок перегораживали ящики с пустыми бутылками, пластиковые ванны, наполненные водой, жерди со связками фруктов и даже ободраный, ржавый остов автомобиля. Заглянув сюда, те милые люди, что дома называются «средним классом», пожалуй, приняли бы этот проулок за свалку, но он, Гаррисон, повидал виды и знал: такова уж тут жизнь. Здесь тоже люди живут, и сегодня их, вполне вероятно, разбудит стрельба. Быть может, не впервые. Проблем с преступностью в Момбасе хватает, так что треск выстрелов им не в новинку, ну, а в остальном... преступность, спецоперации – пуля есть пуля.

Заметив в одном из окон движение, Гаррисон чуть сдвинулся с места, приготовил оружие... но нет, в окне показался всего-навсего какой-то мальчишка. Стоявший в тени, Гаррисон знал, что из окна его не увидят, однако мысленно велел мальчишке убираться прочь. Хорошо бы ему хватило ума не высовываться, когда засвистят пули – а они засвистят, можно не сомневаться. Теперь войны ведутся не так, как прежде. Последние четырнадцать лет жизни Рэя, начиная с того самого двенадцатого сентября, когда он поступил на военную службу, казались сплошной чередой вот таких маленьких городских войн. А в подобных боях, как осторожен ни будь, без случайных жертв не обходится... Впрочем, об этих случаях полагалось тревожиться первому Рэю Гаррисону. Сейчас главное – выполнить задание, уберечь своих, уберечься самому...

«И вернуться домой, к Джине».

Эта мысль тоже отправилась под замок. То была мысль Рэя Гаррисона номер один, а за работой от таких мыслей и до гибели недалеко.

Мелькнувший в окне мальчишка скрылся из виду.

– Эхо-пять на месте, – прошелестел наушник рации голосом Виктора.

– Спартанец-первый на месте, – доложил и Дэниэлс, еще один солдат диверсионной группы, элиты корпуса морской пехоты, приданный Гаррисону.

¹ Имеется в виду американский профессиональный баскетбольный клуб «Голден Стэйт Уорриорз» (Сан-Франциско, Калифорния). *Здесь и далее – примеч. пер.*

² Момбаса – второй по величине город Кении.

Оба, как и он сам, числились среди лучших во всех вооруженных силах.

– Углы проверь, – сказал Эхо-пять.

Сообщение предназначалось не Гаррисону. Рэй наблюдал за дверью в стене донельзя обветшавшего двухэтажного дома напротив, через проулок. Несмотря на облупленную синюю краску и кое-как, вкривь да вкось сколоченные доски, дверь выглядела на удивление прочной. Будь проклята спешка, в которой готовили эту спонтанную спасательную операцию! На должное планирование не хватило времени, и вот, пожалуйста: в суматохе осталось забыто немало важного, наподобие пробивных зарядов. Однако земля у дверей была усеяна окурками сигарет, а значит, противник рано или поздно отопрет дверь сам. Остается только дожидаться, пока одному из «танго»³ не потребуется перекурить.

Из глубины проулка донесся лай. Вероятно, тот самый пес, что пробежал мимо...

Взгляд Гаррисона скользнул вдоль проулка. Нет, все спокойно.

Дверь распахнулась, и Гаррисон еле сдержал улыбку. Наружу высунулся человек – рослый, белый, хоть немного загореть не успел, а значит, в Кении наверняка недавно. Одет в футболку, армейского образца походно-полевые штаны, армейского же образца «берцы», голова туго перетянута банданой – практически полная униформа головореза, косящего под военного... а штурмовая винтовка висит за спиной. То есть, начнись сейчас перестрелка, хозяин тут же и ляжет.

Любители на арене...

На этот раз Гаррисон улыбки сдерживать не стал. Работать против дилетантов куда проще, чем против тех, кто свое дело знает. Одна с ними проблема: порой бывают непредсказуемы.

От души затянувшись табачным дымом, террорист бросил взгляд вдоль проулка, в сторону пса, деловито обнюхивавшего выброшенную кем-то автомобильную крышку, и – очевидно, удовлетворенный – скрылся в здании. А двери при том предоставил медленно затворяться самой по себе.

«Плохо смотрел, дружок», – подумал Гаррисон, выступая из тени на свет раннего утра, под слепящее, жгучее африканское солнце.

Прижав к плечу приклад автоматического карабина М4А1, Гаррисон пересек проулок. Двигался он для своих немалых габаритов на удивление тихо и двери достиг за миг до щелчка задвижки. Изнутри донеслись крики – голоса с явственным русским акцентом. Наверное, Рэй мог бы попробовать догадаться, в чем суть задания, кто таковы эти русские, но если бы командование сил специальных операций корпуса морской пехоты пожелало, чтоб он об этом знал, ему наверняка сообщили бы. Его задача – обезвредить цель. Не более и не менее.

– Контакт, здание два, первый этаж, – сообщил Гаррисон по радиации остальным членам звена.

И Виктор, и Дэниэлс были товарищами надежными, опытными морпехами. С обоими Гаррисон служил уже шестой год и не раз побывал в переделках. Хуже всего пришлось в Пакистане, в зоне племен, когда боевики Аль-Каиды загнали всех троих в кяриз – туннель вроде подземного оросительного канала. В тот день Рэй даже не сомневался: тут-то им и конец. Да, жаркое было дело... Сегодняшнее задание пройдет не в пример легче.

«Не отвлекаться», – велел он себе самому.

Настало время импровизировать. Постучав в дверь, Рэй скользнул в сторону и вжался в стену.

Крики внутри разом смолкли.

В следующую секунду тишину раннего утра нарушил грохот очередей. Поток свинца на сверхзвуковой скорости ударил в хлипкие доски, выгрызая в двери рваные дыры.

³ То есть, одному из террористов («танго» – условное обозначение буквы «Т» в фонетическом алфавите).

Порой Гаррисону казалось, будто знакомый треск АК-47 – что-то вроде фоновой музыки, саундтрека всей его жизни. Пронесшись мимо него, прижавшегося к камню стены, шальные пули хлестнули по стене дома напротив, вышибая из кирпича облачка рыжеватой пыли. Вслепую бьют, наугад. Как он и думал: любители на арене.

– Эхо, Спартанец, заходим.

– Принял. Иду.

– Шестьдесят секунд.

В ответы Гаррисон почти не вслушивался. Он был уверен: напарники дело знают.

Стрельба прекратилась только после того, как террористы опорожнили магазины подчистую, выпустив в дверь по три десятка зарядов каждый. Опытному морпеху на перезарядку хватит секунды. Этим ребятам понадобится чуточку больше.

Гаррисон вынул из кармана разгрузки светошумовую гранату, выдернул чеку, приотпустил спусковой рычаг до щелчка, однако с броском не спешил: готовился, вел отсчет... и швырнул гранату в дыру, пробитую пулями в двери, только в самый последний момент. Граната взорвалась на лету. Яркая фосфоресцентная вспышка достигла глаз даже сквозь сомкнутые веки, от грохота Гаррисон ненадолго оглох, но тут же оправился, развернулся, вскинул к плечу М4 и шагнул в дом, разметав в стороны обломки изрешеченной двери.

Оценка обстановки: просторное складское помещение, шаткие стулья у очага, спасающего обитателей от холода африканских ночей, сквозь потолочные окна струится вниз утренний свет, озаряющий пляшущую в воздухе пыль и двух оглушенных, едва держащихся на ногах боевиков с разряженными штурмовыми винтовками.

Складной приклад оружия толкнулся в плечо. Отдача М4 просто-таки грела душу. Склад озарился вспышками дульного пламени. Пара коротких, точных очередей по центру тяжести тела – и боевики падают. Переступив через трупы, Гаррисон двинулся дальше, повел стволом карабина вправо-влево, огляделся. Ящики, полные перемотанных изоляцией пакетов. Вероятно, наркотики. Не его дело.

Справа от двери обнаружился лестничный пролет. Ступени вели на галерею, опоясывающую второй этаж. Опасно: галерея – прекрасная позиция для ведения огня сверху. Поднятый кверху, ствол карабина описал полукруг...

Нет, никого. Ни движения. Здесь чисто.

Удовлетворенный, Гаррисон тихо, проворно взбежал по ступеням и поднялся на галерею.

Из ближайшего дверного проема показался пляшущий ствол еще одного АК-47. Третий боевик тоже выпустил очередь наугад. Веер пуль продырявил стену вокруг, но Гаррисон не останавливался. Шальная пуля угодила в плечо. От боли Гаррисон крякнул, поморщился, однако рана была несерьезной: кость не задета, уж он-то разницу чувствовал. Превозмогая боль, Рэй развернулся к стрелку. Еще одна короткая, на три патрона, очередь – и третье тело рухнуло на пол.

Быстрым шагом, на полусогнутых, чтоб сохранять устойчивость при стрельбе, не обращая внимания на жжение в плече и струйку крови под бронежилетом, Гаррисон свернул в проем и оказался в обшарпанной жилой комнате. Солнечные лучи, проникавшие внутрь сквозь щели в дощатых ставнях на окне, освещали облупленную краску, выщербленную штукатурку, обнаженные шлакоблоки, допотопный телевизор с электронно-лучевой трубкой и четвертого боевика. Этот был вооружен помповым дробовиком, нацеленным на заложника: блондина лет сорока пяти, американца – основного объекта операции. Основной объект операции выглядел до смерти перепуганным.

– Бросай пушку! – крикнул боевик с дробовиком, едва не сорвавшись на визг.

Гаррисон исподволь покосился вправо-влево, оценивая обстановку, успокаивающе, словно бы говоря «окей, окей», поднял ладонь, мягко опустил М4 на пол, а затем, ради еще более безобидного вида, снял шлем и положил его на придвинутый к стене ящик.

– Идем! – раздался в наушнике рации голос Эхо-пять, сопровождаемый глуховатым, точно стук пишущей машинки, треском очереди.

Напарники приближались, и, судя по красноречивому выражению лица, террорист прекрасно понимал, что его в скором времени ждет.

– Так ты скажи: чего хочешь? – спросил Гаррисон, отвлекая его, выигрывая время.

– Вертолет! Быстро!

Фантазия чистейшей воды... и все в комнате это знали.

– Почти на месте, – сообщил Спартанец-один.

Ступени лестницы загрохотали под подошвами тяжелых башмаков. Если топот слышит Гаррисон, значит, его слышит и террорист с дробовиком. Крепко прижав дуло к голове основного объекта операции, боевик потянул спусковой крючок. Надавит еще хоть на пару унций сильнее – и главная цель задания превратится в красную кляксу на стене. Заложник выглядел так, будто сию минуту помрет от страха, не дожидаясь, пока дробь разнесет его череп, точно яйцо.

– И этим скажи: пусть сюда не суются! – потребовал террорист с дробовиком.

– Альфа-один, оставайтесь внизу, обстановка стабильна, – сообщил Гаррисон по рации своему звену и вновь обратился к человеку с дробовиком: – Видишь? Порядок. Далее. Если тебе нужен вертолет, мне нужен телефон.

Террорист с дробовиком вытаращил глаза. Взгляд боевика яснее всяких слов свидетельствовал о нешуточной внутренней борьбе – борьбе старого доброго здравого смысла с безумной надеждой. Нет, этот не из фанатиков. Тех, кто на самом деле готов умирать – считанные единицы, а остальные в отчаянии цепляются за самый ничтожный шанс уцелеть, как за горящий спасательный плот, такое Гаррисон много раз видел.

Вот и на этот раз надежда взяла верх над разумом. Боевик кивнул в угол комнаты:

– Вон там!

Гаррисон бросил взгляд на скамью, уставленную грязными тарелками и пустыми пивными бутылками.

– Да где? – с легким недоумением в голосе переспросил он.

Террорист с дробовиком отвел ствол оружия от головы заложника и указал им в угол.

«Любители на арене».

– Во...

К тому времени, как боевик, осознав собственную ошибку, перевел ствол на Гаррисона, тот уже выхватил из набедренной кобуры пистолет и дважды нажал на спуск. Мир для него сузился до вспышки дульного пламени дробовика, все ощущения свелись к удару заряда дроби в противоположную бронепластину жилета и острой боли в боку – там, где дробь впиалась в тело. Гаррисон пошатнулся и упал. Тут в комнату эффектно, с топотом ворвались товарищи по звену. Ткань одежды на боку взмокла, в глазах помутилось, уши словно бы заложило ватой, и Гаррисон вдруг подумал: не от этой ли раны ему суждено умереть? Последним, что он увидел, было лицо насмерть перепуганного объекта операции. Хотя... основной объект жив, а значит, дело сделано.

Глава вторая

Нет, смерть и на этот раз обошла Гаррисона стороной. Ну, разве что грузовой отсек С-17 «Глоубмастер III» – это рай, или, скорее, ад, уготованный Рэю Гаррисону номер два за кое-какие делишки. Нет, он попросту отключился, санитар его залатал, а ребята из Альфы-один принялись ругать на все корки за то, что опять – опять! – сунулся под огонь. Одним словом, жизнь и на этот раз покатила дальше своим чередом. Осознав это, Гаррисон невольно задумался: сколько же еще пуль предстоит принять его телу, прежде чем очередной посчастливится покончить с ним навсегда? Тем более, что в последнее время темп операций из напряженного превратился в бешеный...

Наконец самолет опустил аппарат. Грузовой отсек залили лучи калифорнийского солнца, а с ними – все та же – к счастью, хотя бы сухая – жара, и Гаррисон сошел вниз, на взлетную полосу авиабазы Корпуса морской пехоты в Кэмп-Пендлтоне. Еще не совсем дома, но здесь он бывал достаточной часто, чтоб душу согрело знакомое чувство облегчения: вот он и снова вернулся... С этой мыслью он кивнул остальным, уводящим прочь основной объект операции (объект до сих пор была крупная дрожь). Заботу о заложнике Дэниэлс с Виктором, без лишних слов, приняли на себя, зная, кого ждет их товарищ, поэтому Гаррисон взгляделся в знойное марево над взлетной полосой, отыскивая Её. Вот и настало время спрятать второго Рэя Гаррисона назад, в ящик, а наружу вновь выпустить первого – заботливого, любящего мужа.

Отыскав жену взглядом, Рэй сбросил походно-полевую куртку, поднял сумку, поморщился от боли в боку и плече и зашагал по раскаленному солнцем асфальту. Способ уложить в голове, приноровить друг к другу жизнь с умной, сильной, доброй, бесконечно терпеливой Джинной, и всю грязь, ужас, боль и кровь на песке, сопутствующую его ремеслу, на свете существовал ровно один: держать эти два мира отдельно один от другого. В полной изоляции. Порой – обычно по ночам – пережитое снова всплывало в памяти, не давало покоя, и тогда Гаррисону приходилось нелегко, но сейчас, когда Джина рядом, все прочее разом утратило важность.

Встречать его Джина приехала в коротком кружевном платье, которое Гаррисону всегда так нравилось, а ее длинные, светлые, волнистые волосы вольно вились на теплом калифорнийском ветру. Стоя у дверцы «Мустанга» с откинутым верхом, она выглядела непринужденно прекрасной – в точности как одна из красоток с плакатов шестидесятых годов. Подойдя к ней, Гаррисон опустил сумку на асфальт.

– Опаздываешь, – сказал он.

– Это ты раньше времени, – с улыбкой откликнулась жена, и оба стиснули друг друга в объятиях.

Гаррисон поднял Джину в воздух, а та обхватила его и ногами. Оба прижались друг к другу едва ли не с отчаянием, будто не виделись целую вечность. Слов им не требовалось. Только теперь, заперев того, другого Гаррисона в ящик, Рэй в самом деле почувствовал, как мучительно тосковал по жене, пока был там, на задании.

«Мустанг» мчался по полупустому, прямому, точно стрела, участку Тихоокеанского шоссе, чуть к северу от Раггед-Пойнт. Слева сияла золотом линия горизонта над океаном, справа темнел лес и горы парка Джулии Пфайфер в Биг-Сур. Далеко внизу бились о скалы океанские волны, отливавшие жидкой, расплавленной сталью, но Гаррисон всей этой красоты даже не замечал. Взгляд его был устремлен на жену. Вполне профессионально управляясь с рычагом передач, Джина гнала старенький «масл-кар» вперед, и ее волосы развевались в токах теплого встречного ветра.

– Тебе куда хочется? – спросила она, не сводя глаз с дороги. – В горы? В пустыню?

– Мне хочется, чтоб ты сама выбрала, – ответил он.

Джина расхохоталась.

– Ты же знаешь: я выберу воду.

Да, океан Джина любила всем сердцем; Рэй часто шутил, что она наверняка малость рыба, нечто вроде русалки.

– Так тебе правда все равно, куда? – уточнила она спустя пару секунд. Потом, отыскав пару шпилек, зажала их во рту и принялась скручивать волосы в хвост, чтоб не лезли в глаза.

Эх, а вот это жаль... смотреть, как ее волосы выются по ветру, Гаррисон очень любил.

– Ну, ты же там быть собираешься? – с широкой улыбкой откликнулся он.

Вынув изо рта шпильки, Джина заколола волосы.

– Очевидно, да.

– Вот и все, что мне нужно знать!

Казалось, ответом на этакую банальность должен бы стать брошенный искоса неодобрительный взгляд, но вместо этого Джина крепко стиснула его руку, покоившуюся на сиденье. Гаррисон понимал: она тоже скучала, да еще волновалась о нем, ведь Джине не раз случалось бывать на военных похоронах. Не понимал он другого: каким образом стал ее мужем, чем мог заслужить подобное счастье? С чего она вдруг решила заговорить со сломленным жизнью морпехом в том самом кафе при книжном магазине? Ведь с виду была совсем не из тех, кто мог бы заинтересоваться таким, как он...

Вновь устремив взгляд вперед и вдаль, Гаррисон решительно выкинул все эти мысли из головы. «В конце концов, – решил он, – все обернулось так, что лучше и быть не может».

Куда привела их дорога? Гаррисон даже на название внимания не обратил. В какой-то маленький городок, словно бы ни капли не изменившийся с самого восемнадцатого века. Захолустный, тихий, а главное, совершенно не тронутый нашествиями туристов и сопутствующей оным коммерциализацией всего и вся. Джина такие места просто нюхом чуяла. Интересно, много ли их сохранилось в Калифорнии до наших дней?

Оба шли по оживленному рынку, вытянувшемуся вдоль волнолома. На ходу Гаррисон лакомился ломтиками апельсина из местных садов. С одной стороны – прилавки со свежими фруктами и рыбой, с другой – гавань и целая флотилия рыбацких катеров. Шумный, красочный, рынок ярким пятном выделялся на фоне темных, сумрачных гор, окруживших крохотный прибрежный городок с трех сторон, точно исполинские стражи. Апельсины оказались невероятно вкусными – казалось, они дарованы смертным самими богами. С другой стороны... последние две недели Гаррисон прожил исключительно на сухпайке, так что сейчас ему даже сосиска с чили показалась бы пищей богов.

В заказанном Джинной номере бутик-отеля оба приняли душ и переоделись. Облачившись в гражданское, Гаррисон окончательно превратился из воина в мужа. Джина снова оделась в белое летнее платье – на этот раз подлиннее, однако почти прозрачное.

Пока жена складывала в сумку купленные фрукты, Гаррисон углядел невдалеке пару местных ребятишек, азартно обстреливавших друг друга из водяных пистолетов, и невольно заулыбался. Хотелось бы ему обзавестись собственными детьми... но ведь и Джина, и сам он прекрасно знали, насколько опасна его работа.

Сунув в рот еще ломтик апельсина, он заложил кожуру за губу, скорчил рожу кинозлодея, этакого дона Корлеоне, и поднял вверх руки с согнутыми, точно когти пальцами. Джина звонко расхохоталась, а ребятишки с улыбками принялись обстреливать из водяных пистолетов его. Гаррисон притворился, будто сражен наповал, но тут же поморщился: свежая рана в боку откликнулась острой болью.

– Полегче, ребята: он у нас сегодня инвалид, – предупредила мальчишек Джина. Вполне добродушно, вот только эти странные нотки в голосе...

– Все хорошо, – заверил ее Гаррисон. – Пара недель с тобой – и снова буду как новенький.

Сказал он это с улыбкой, но растревоженная незажившая рана продолжала болезненно ныть. Похоже, чем он становится старше, тем дольше затягивается каждая новая дырка...

– Идем-ка, – с тревогой велела Джина. – Тебя нужно в постель уложить.

– Вот и я как раз о том же самом подумал, – с широкой улыбкой откликнулся Гаррисон.

Джина окинула его взглядом, стараясь на время сохранить серьезность, но перед благодушием мужа устоять не смогла и тоже, против воли, заулыбалась.

В такие минуты жизнь казалась невероятно, небывало прекрасной. Казалось, все это – не явь, а сон...

Взмокший от пота, Гаррисон лежал рядом с Джиной на скомканных простынях. В номере царил полумрак, неярко мерцали свечи. На грани дремы, уже засыпая, Рэй понемногу переводил дух: посткоитальный пыл уступал место тихому, уютному довольству. Предложи ему сейчас оказаться в любом месте, где только душа пожелает – он, не задумываясь, остался бы здесь, в гостиничном номере, рядом с женой.

Пальцы Джины защекотали кожу, скользя по карте служения отечеству, вычерченной на теле рубцами шрамов. Казалось, Гаррисон чувствует ее взгляд на свежих повязках, стянувших плечо и бок, и едва уловимое тревожное напряжение.

– Как думаешь, сможешь ли ты когда-нибудь, хоть раз в жизни, вернуться в том же виде, в каком уезжал? – спросила она.

Нет, очарования момента все это не испортило. На что тут обижаться? Забота любимой – дело вполне понятное. Вот только подходящего ответа в голову не приходило...

– Тебе не нравятся шрамы? – спросил Гаррисон, стараясь свести все к шутке, однако взгляда на Джину не поднял.

– Нет, против шрамов я не возражаю. Не нравится мне другое – истории, которые они рассказывают.

Похоже, в шутку разговор не обернуть.

Гаррисон повернулся к жене. В полумраке ее глаза казались двумя темными омутами. Несмотря на недавние упражнения – а может, именно благодаря им – выглядела она по-прежнему прекрасной.

– Я же всегда возвращаюсь.

Если б она разглядела в его глазах обещание, кроющееся за этой фразой...

Окно они оставили слегка приоткрытым. Снаружи доносился мягкий плеск волн о причал, прохладный морской бриз поигрывал висевшим над кроватью газовым пологом.

– Я только хотела сказать... настанет время, и...

Гаррисон догадывался, к чему она клонит, слышал, с какой осторожностью Джина выбирает слова.

– Ведь твое тело не сможет справиться со всем этим вечно.

Джина была права. Гаррисон знал: против природы не попрешь. У всякого спецназовца есть, так сказать, срок годности, а это касается не только физиологии, но и психики. Всему на свете есть свой предел. Вот и Гаррисон, несмотря на любовь к своей жизни, уже чувствует, что темп операций высоковат, и если так будет продолжаться, жизнь непременно возьмет свою дань – в виде накрытых флагами мешков для трупов. Казалось, уничтожаемых Гаррисоном боевиков и террористов объединяет какая-то общая сила, какой-то грандиозный план, который они что есть сил стараются выполнить в срок. Взять хоть момбасскую операцию – из рук вон неаккуратно прошла. Слишком спонтанно, стихийно: ни времени на планирование, ни разведанных... Разумеется, в этом никто был не виноват, просто так уж карта легла, но в результате его подстрелили. Опять.

Гаррисон понимал, что это не дает Джине покоя, треплет ей нервы, причем давно, с самого начала. И со временем дело становилось только хуже, потому что он не мог с ней об

этом поговорить. Выходя за него, она понимала, во что ввязывается, и, если сейчас завела этот разговор, значит, ее терпение на пределе. Вот только здесь, в эту минуту, Гаррисону меньше всего на свете хотелось бы его продолжать.

– Откуда тебе знать, на что и как долго способно мое тело? – с улыбкой спросил он, приподнимаясь на локте.

Деревянная рама древней кровати заскрипела под его тяжестью. Джина невольно рассмеялась. Она наверняка понимала: рано или поздно, а этого нелегкого разговора не избежать. Ну, а Гаррисон от подобных вещей сроду не уклонялся, да к тому же знал, что на самом деле разговор будет не таким уж и трудным: с женой он был целиком согласен. Дело было в одном – в «стратегии выхода»: чем парню вроде него заняться, покинув отдельный полк спецназа, не говоря уж о Корпусе, чтоб не свихнуться на гражданке? Но об этом речь пойдет позже.

– Возможно, мне просто нужно малость... переквалифицироваться.

С этими словами он сомкнул мускулистые руки на талии жены и вновь уложил ее на спину.

Глава третья

В гостиничное окно, крадучись, проник первый утренний луч. Гаррисон, вздрогнув, проснулся, вскинулся, повернулся набок. Снилось ему другое, куда более скверное место. Бросив взгляд на подушки, он обнаружил, что Джины рядом нет. Охваченный иррациональной паникой, неуместной в этой жизни оперативной паранойей, он поспешил сесть и принялся оглядывать комнату, пока не нашел под пепельницей на прикроватном столике записки.

«Отправилась раздобыть нам завтрак, скоро вернусь», – сообщали строки, наскоро нацарапанные на обороте счета.

Снова сев прямо, Рэй облегченно вздохнул и тут же устыдился собственной глупости. Здесь не Ирак, не Афганистан – вовсе не те беспокойные места, куда его заносили дела службы, а он до сих пор на грани. До сих пор никак не отойдет от работы... до сих пор никак не забудет о том, втором Рэе Гаррисоне, которому полагается лежать под замком, в ящике, пока в нем снова не возникнет нужда. Все это заставило вспомнить о разговоре, начавшемся, да так и не завершившемся накануне. Похоже, с оперативной работой и вправду пора завязывать...

Бритье Гаррисон полагал одним из столпов, краеугольных камней цивилизованной жизни. Пожалуй, возможность принять душ, выспаться на удобной кровати, а после, не торопясь, со вкусом побриться – лучший знак того, что ты снова вернулся в мир...

Стоило ему усмехнуться собственным размышлениям о личной гигиене, из соседней комнаты раздался шум. Всего-навсего тихий щелчок. Такой тихий, что вполне мог ему просто почудиться.

– Джина?.. – окликнул он, однако в этом звуке чувствовалось нечто вороватое, совсем не похожее на Джину, даже если б она старалась двигаться тише, чтоб не будить его.

Покосившись влево, Гаррисон дотянулся до зеркала и развернул его к распахнутой двери, ведущей из окутанной паром ванной комнаты в гостиничный номер.

Движение. Приглушенный треск очереди... только звук необычен. Стреляли не пулями.

Отраженное в зеркале, лицо Гаррисона треснуло под ударами усыпляющих дротиков, но сам он уже скользнул в сторону. Один из стрелков, держа оружие наготове, заглянул в полную пара ванную, но отражение в зеркале сбило его с толку, а между тем Гаррисон стоял вовсе не там, где стрелявший ожидал его обнаружить. Выступив из пара, Рэй Гаррисон – другой, тот самый Рэй Гаррисон, которому дома полагалось лежать в ящике, под замком – ухватил стрелка, втащил в ванную и мертвой хваткой стиснул его горло.

Когда в ванную с шумом ворвался еще один стрелок, Гаррисон, не выпуская первого противника, метнулся ко второму и врезался в него спиной. С разгона притиснув врага к запотевшему кафелю, он мрачно усмехнулся: в глазах первого стрелка мелькнул страх. Задышающийся, умирающий, он осознал, что ошибся дверью, что вошел в комнату к дикому зверю. На лице самого Гаррисона застыла гримаса беспощадного бешенства. Оба незваных гостя принялись палить наугад, дротики со снотворным полетели куда угодно, только не в цель, не в Гаррисона. Ударив за спину локтем, он услышал страдальческий хрип; в надежде повредить дыхательное горло швырнул о стену того, которого держал за глотку, и, не давая атакующим опомниться, вонзил в обоих пару подвернувшихся под руку дротиков. Удар, другой – и первый стрелок упал. Второго Гаррисон отбросил на пол, сокрушив его головой унитаза.

Обоих хотелось убить – требовалось убить по всем правилам тактики: оставлять их живыми за спиной ни к чему. Глядя на них сверху вниз, Гаррисон видел множество способов это сделать, однако пробившаяся сквозь целеустремленную, сдержанную ярость наружу мысль: «Джина!» – заставила сорваться с места.

Выбежав в коридор, ведущий к стойке портье, Рэй Гаррисон номер два врезался в рослого бородача и сшиб его с ног. Быстрый осмотр упавшего позволил отнести его к не представляющим угрозы, и Гаррисон, истратив еще пару бесценных секунд, огляделся по сторонам, но Джину не обнаружил. Что еще хуже, мысль о жене как о тактическом приоритете ничуть не ослабила ни отчаяния, ни желания поскорее ее отыскать.

Вдруг шаг его замедлился. Ноги повели себя как-то странно. Океан за стеклянной дверью отеля словно бы затянула мутная пелена. Ноги подались, подогнулись, точно резиновые, но Гаррисон знал: он должен бежать, должен найти Джину. Одна беда: ноги окончательно перестали повиноваться, а, упав на колени, далеко не убежишь...

– Эй, приятель, что с тобой?

Акцент. Британец... нет, австралиец.

Опрокинувшись на спину, Гаррисон уставился в потолок, не в силах даже поднять руки. Охваченный страхом пополам с бессильной яростью, он просто не мог заставить собственное тело сделать, что от него требуется, хотя телу все это вполне по силам! Тем временем кто-то склонился над ним. Ага, это тот самый, рослый, которого Гаррисон сбил с ног в коридоре, в безвкусной пестрой рубашке и шляпе – определенно, турист. Склонился, вертит что-то в руке... Мысли работали куда медленнее, чем обычно, и автоматический шприц Гаррисон узнал в этой штуке не сразу. Ну, а когда узнал и сообразил, для чего он, его с головой накрыла волна ледящего ужаса, а после весь окружающий мир разом исчез.

Глава четвертая

Музыка. Что-то из старого. Из семидесятых, а может, из восьмидесятых. Не совсем в его вкусе, однако песня знакомая...

Он покопался в памяти, пытаясь припомнить мелодию.

«Psycho Killer»⁴, вот что это такое! А поют «Talking Heads».

Узнав песню прежде, чем солист запел, он, как это ни абсурдно, остался очень доволен собой.

– Qu'est-ce que c'est...

А ведь дела-то плохи, очень плохи: рук не поднять.

– Fa-fa-fa...

И лицо прикрыто какой-то материей – видимо, капюшоном.

– Fa-fa-fa...

И в воздухе веет кровью да мясом, а еще вокруг жуткий холод.

– Fa-fa-fa better...

Схватка в ванной... Турист-австралиец... Его же вырубил, вколыв какую-то дрянь!

«Джина!»

Чья-то рука сорвала с головы капюшон. В глаза ударил слепящий свет.

– А вот и он. Подъем, подъем!

«Австралиец!»

Голос Гаррисон узнал. Узнал и был твердо уверен: от убийства этого типа его удержит только очень и очень убедительная причина.

«Убедительнее того обстоятельства, что я привязан к креслу?»

Проморгавшись, Гаррисон напряг зрение и огляделся. Судя по обстановке (не говоря уж о вони), здесь забивали на мясо скот. Вот только подробностей было не разобрать: кто-то направил прямо в лицо лампу, да такую яркую, что глаза режет.

Проверив узы на прочность, Гаррисон без всякого удивления обнаружил, что связан надежнее некуда. И с ярким светом тоже было придумано умно. Свет не давал как следует оглядеться, но чем дольше он здесь просидит, тем больше сумеет увидеть: рано ли, поздно, а глаза приспособятся. Пока что Гаррисон едва мог разглядеть развешанные вокруг бычьей мослы, а, кроме того самого австралийца, поблизости не наблюдал никого. Добрые вести. В том, что со временем сумеет освободиться, он был уверен. А как только освободится, легко переломит австралийца надвое и разживется стволom. Однако сколько ни размышлял он, прикидывая, как выйти из положения, мысли раз за разом сами собой сворачивали в сторону Джинны. Рэй Гаррисон номер один назойливо совал нос в дела Рэя Гаррисона номер два, мешая сосредоточиться на главном – на собственном спасении. Погибнув, Джине уж точно ничем не помочь.

– Кто... – начал Гаррисон.

В поле зрения снова возник австралиец. Темный, расплывчатый силуэт в ослепительном ореоле лампы пританцовывал, подпевая «Говорящим Головам».

– Фа-фа-фа...

Танцующий в длинном пуховике поверх футболки и шорт, притопывающий сандалиями, надетыми на носки, он выглядел до смешного нелепо, однако при виде заткнутой за пояс пушки сорок пятого калибра становилось уже не до смеха.

– Классика не стареет! Так, о чем ты там?

⁴ «Маньяк-убийца» (англ.).

Складывалось стойкое впечатление, будто этот тип без ума и от своей работы, и от «Talking Heads». К музыке «новой волны» Гаррисон всю жизнь был равнодушен, но именно эта песня начинала внушать ему немалое отвращение.

– Кто ты?

– Тот самый тип, что испортил тебе отдых, – с улыбкой откликнулся оззи⁵.

Да, он, определенно, был крайне доволен собой. И не без оснований.

– А зовут меня Мартин Эйкс.

Гаррисон насторожился. Скверный признак. Имени – даже псевдонима – ему называть не следовало. Тем более, без всякой надобности. Если только...

– Ладно, на твой вопрос я ответил, теперь моя очередь. Кто навел вас на заложника в Момбасе?

«Твою ж мать!»

Гаррисон разом похолодел. Выходит, все это – не случайность. Охота велась именно на него, а Эйкс в ней главный игрок или работает на главного. И дело каким-то образом связано с момбасской затеей русских. Откинув голову на спинку кресла, к которому был привязан, Гаррисон мысленно взмолился о том, чтобы оно не коснулось Джины. Он знал: вскоре настанет очередь боли. Методикам противодействия допросу его обучали. Плен был постоянным кошмаром для любого морпеха, особенно для спецназовцев, но Гаррисону и в голову не приходило, что этот тренинг может пригодиться здесь, в Калифорнии. Он помнил: рано или поздно ломаются все. Инстинкт самосохранения... Лишенный возможности как-нибудь освободиться, он продержится, сколько сумеет, затем зальет им в уши какую-нибудь более-менее правдоподобную выдумку, ну а затем его прикончат, и он никогда больше не увидит Джину.

«Прекрати вспоминать о жене, – велел Рэй Гаррисон номер два. – И выпусти меня из ящика».

Легко сказать, да непросто сделать: на этот раз Джина тоже была где-то здесь, в районе боевых действий.

– Верно. Я подозревал, что ты будешь молчать. Поэтому и подумал о кое-какой дополнительной мотивации, – сказал Эйкс, бросив взгляд в сторону и кивнув.

Гаррисон до отказа повернул голову туда же. Он понял, что его ждет, еще до того, как сюда притащат ее. Правда, это ничуть не мешало молиться о том, чтоб он оказался неправ, но в следующую минуту от всей его готовности продержаться подольше не осталось и следа: двое подручных Эйкса выволокли вперед кресло со связанной Джинной. Рот ей заткнули кляпом. Отчаяние и ужас во взгляде жены резали, точно нож, вонзившийся в грудь.

– погоди. Послушай, я просто не знаю, – умоляюще заговорил Гаррисон. – Это же не моя работа. Я просто иду, куда начальство укажет.

Похоже, Эйкс в это не поверил. Во всем происходящем чувствовалась какая-то жуткая безысходность. Гаррисон снова вывернул голову так, чтоб бросить взгляд на Джину: ему очень хотелось сказать ей, что все будет окей, однако он понимал: правда крупными буквами написана на его лице, для жены он, можно сказать, открытая книга. Охватившая Гаррисона паника одолела даже острую, жгучую ненависть к Эйксу – к тому, кто посмел причинить его жене зло. Таким беспомощным он еще не чувствовал себя никогда в жизни.

– Ну что ж, еще раз: кто вас навел? – спросил Эйкс.

Голос его звучал так, будто он очень расстроен, огорчен неуступчивостью Гаррисона. С этими словами он вынул изо рта Джины кляп, и та раскрыла рот, собираясь что-то сказать, но тут же замерла, увидев в руке Эйкса пневмопистолет из тех, какими пользуются для забоя скота. Ужас лишил ее дара речи.

⁵ То есть австралиец (*англ., жарг.*).

Эйкс повернулся к Гаррисону и нажал на спуск. Из ствола пневмопистолета с лязгом выдвинулся и тут же втянулся обратно ударник – шестидюймовый стальной стержень. Эйкс приставил пистолет к виску Джини, и тут-то Гаррисон понял, что такое настоящая, истинная безысходность.

– Как думаешь, все шесть дюймов она осилит? – спросил Эйкс, глядя на Джину так, точно ему просто не терпится это проверить.

Гаррисон рванулся на волю. Пластиковые стяжки впились в тело, до крови раздирая кожу, но Гаррисон должен был заставить Эйкса отвести кровожадный, безумный взгляд от жены, сосредоточиться не на ней – на нем.

– Гляди сюда... сюда гляди! – с дрожью в голосе прохрипел он.

Эйкс устремил на него вопросительный взгляд.

– Я бы ответил, если бы знал. Спрашивай о другом, о чем хочешь. А этого я сказать не могу. Потому что не знаю! – выкрикнул Гаррисон, глядя Эйксу в глаза, стараясь отыскать в его взгляде хоть что-нибудь человеческое, хоть как-нибудь убедить его в том, что не лжет.

– Ну что ж, верю, – наконец-то откликнулся Эйкс, опустив пистолет.

Подобного облегчения Гаррисон не испытывал никогда в жизни. По щекам Джини катились слезы.

– Рэй... Рэй, – пролепетала она, пытаясь, преодолев ужас, что-то сказать мужу.

– Все будет окей, детка... обещаю, – откликнулся Гаррисон, в душе молясь, чтобы это не оказалось ложью.

Эйкс выключил музыку и смерил Джину взглядом.

– Вынужден огорчить тебя, детка. Ни о каком «окей» и речи не может быть, – сказал он, поднимая пневмопистолет к ее виску.

Шесть дюймов нержавеющей стали с тошнотворным хрустом пробили череп и, шелкнув, снова втянулись в дуло. Так, в один миг, и закончилась жизнь жены Рэя – сильной, энергичной, умной красавицы Джини Гаррисон. Казалось, миг этот растянулся на целую вечность, словно бы время замедлило ход, вынуждая Гаррисона рассмотреть, пережить гибель Джини во всех нестерпимых подробностях. Тело жены безжизненно рухнуло на пол, точно еще один кусок мяса, еще одна бычья туша.

Ослепленный яростью, Гаррисон снова рванул стяжки, забился, силясь освободиться. Он убьет Эйкса голыми руками! Зубами глотку перегрызет, узнает вкус его крови...

– ТЫ НИЧТО! СЧИТАЙ, ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕТ! СЛОВО ДАЮ... НАЙДУ ТЕБЯ И ПРИКОНЧУ! ХОЧЕШЬ УБИТЬ, ЛУЧШЕ УБЕЙ СЕЙЧАС: ДРУГОГО ШАНСА НЕ ПОЛУЧИШЬ!

Казалось, Эйкс призадумался над этой угрозой, и тут Гаррисон почувствовал, что стяжки поддаются. Еще рывок, треск дерева – и он, едва заметив боль в вывихнутом большом пальце, отчасти освободился от кресла, к которому был привязан.

Эйкс невозмутимо вытащил из-за пояса «сорок пятый» и направил его на Гаррисона.

– Благодарю за подсказку.

Все вокруг исчезло во вспышке дульного пламени.

Глава пятая

Трупик мыши был полностью выпотрошен и обескровлен. Кей Ти задвинула лоток с крохотным тельцем в муфельную печь для сжигания отходов. Согласно доктору Хартингу, это и означало держаться «на острие», на передовом крае науки. А где легче всего держаться на передовом крае науки, как не в секретных военных лабораториях? Уж в этих стенах слова «этика» не услышишь!

– Прости, дружок, – сказала она, включая печь.

Все, могущее пригодиться, из животного было извлечено. В печи сгорит только плоть, пустая оболочка. Возможно, то было суждено судьбой.

Печь тихо загудела. Не слишком-то пышные провода...

И отчего только они до сих пор ставят опыты на животных? На ум приходили слова «бессмысленная жестокость», однако Кей Ти тут же вспомнила о предстоящей работе. Возможно, возможно, она и не «бессмысленна», но уж жестока – наверняка.

Сзади с шипением отворилась дверь, но Кей Ти даже не обернулась.

– Готовы? – с порога спросил доктор.

«Нет», – подумала Кей Ти, нащупав монетку в кармане.

– Готова, – ответила она вслух.

Глава шестая

Снились ему машины. Ему... А кто он, собственно, такой? Человек, мужчина (это он знал) и видит во сне машины – огромные, словно бы неземные, с собственной музыкой. По странно знакомым мрачно-серым покатым холмам с вкраплениями рек, сияющих неоновосиним светом, тянулась к самому горизонту некая сеть, а строили ее миллионы странных механических тварей...

Наконец он открыл глаза.

– Проект «Бладшот», журнал учета процедур... трансфузия завершена.

Голос был женским, звучал ровно, абсолютно бесстрастно.

«Бладшот: слово, обычно используемое для описания глаз, воспаленных либо покрасневших, чаще всего – вследствие утомления».

А это еще откуда взялось?

«Трансфузия: процедура переливания крови, одной из ее составляющих, или иной жидкости в кровеносную систему человека или животного».

Казалось, рядом, а то и внутри, в голове, имеется некто или нечто, помогающее думать. Что ж, если так, у него есть вопрос.

«Кто я такой?»

Тишина.

Спиной он чувствовал холодный металл. Стол для аутопсии...

«Аутопсия: посмертное исследование с целью...»

«Хватит!»

Внутренний голос умолк.

Посмертное... Выходит, он мертв? Но, если так, отчего сохраняет способность мыслить и чувствовать? При том, что не помнит, кто он такой, и не может даже пошевелиться?

– Даю биоэлектрический разряд.

А вот это уже настораживало.

«Биоэлектрический: тем или иным образом связанный с феноменом электрического заряда в тканях...»

Не дослушав, он снова велел неведомому помощнику заткнуться.

– Семьдесят пять процентов, – сообщил все тот же бесстрастный женский голос.

Он попытался поднять руку, но сделать этого не сумел. Все тело казалось противоестественно холодным.

«Так это тело мертво, а я в нем, как в ловушке!» – с ужасом осознал он.

– Полный цикл.

Все тело содрогнулось под ударом электротока. Мускулы свело судорогой, спина изогнулась дугой, отрываясь от стола, ноздри защекотал запах озона, и он вновь обмяк, глухо шлепнувшись на холодный металл. Треск в голове превратился в сигналы, опознанные мозгом как боль. Появившаяся и тут же угасшая. Все вокруг озарилось неярким алым светом. В воздухе клубился морозный туман.

В клубах тумана от его тела отделился, поднялся кверху, точно жало насекомого, манипулятор, «рука» какого-то мудреного хирургического аппарата. Сквозь тот же химический туман он сумел разглядеть собственное отражение в зеркальных панелях потолка. Мужчина, могучего телосложения, лет тридцати – тридцати пяти, мертвенно-бледная кожа утыкана электродами, куда от них тянутся провода – не разглядеть. Неяркий алый свет, озаривший комнату, исходил от идеально круглого шрама в центре груди. В человеческой физиологии (ну да, в человеческой, а кем ему еще быть?) он малость разбирался и понимал: это уже ненормально. Светящихся шрамов в его груди быть не должно.

С этими мыслями он сел и, словно впервые в жизни, сделал глубокий вдох. Интересно, откуда ему известно об изменениях в химизме собственной крови, вызванных притоком адреналина? Сжав в кулаке пучок проводов, он принялся срывать с себя электроды, а между тем огляделся. Иной обстановки, кроме стола для аутопсии, медицинского оборудования да круглого хирургического светильника, свисавшего с потолка, в комнате не обнаружилось, однако она казалась смутно знакомой. Казалось, будто он должен узнать это место – будто уже бывал в этой комнате, или в другой, очень похожей. Покопавшись в памяти, он и вправду обнаружил там несколько подходящих образов, но откуда ему было знать, что это – реальные воспоминания или же попросту дежавю, память о первых секундах после прихода в чувство, вернувшаяся к нему таким психосоматическим бумерангом?

«Психосоматическим...» В его голове это слово казалось чужим, неуместным, не из тех, которые часто встречаются в его речи или хотя бы приходят на ум.

В комнате он был не один.

Женщина. Лет двадцати пяти. Длинные темные волосы, одета в топик с длинными рукавами и темные штаны. Несмотря на подобный наряд, она, похоже, выполняла обязанности лаборантки, а манера движения свидетельствовала о недюжинной силе и ловкости, выдавая в ней неплохого бойца. Одним словом, весь его мыслительный процесс свелся к тактической оценке обстановки. Женщина бросилась к нему, но, судя по изумлению на лице, непосредственной угрозы собою не представляла.

– Где?..

В горле засадило так, будто оно бездействовало целую вечность.

– Осторожнее. Просто дышите...

Уловив озабоченность в ее голосе, он попробовал соскользнуть со стола и встать на ноги.

– Я бы не советовала...

Стоило встать, колени подогнулись, и он во весь рост растянулся на ледяном полу.

– Да, с послушанием не ахти, – вздохнула женщина, опускаясь рядом на корточки. –

Взгляните на меня. Все окей. С вами все окей.

Взглянув в ее карие глаза, он решил, что ничего дурного на его счет эта женщина не замышляет, и тут заметил кое-что еще – вживленный в кожу ее шеи приборчик, с виду похожий на какой-то дыхательный аппарат. Вот это – он точно знал! – ненормально. И то, что он в курсе, насколько участились его пульс и дыхание, тоже нормальным не назовешь.

– Где я?

Глава седьмая

Послеоперационная палата была куда меньше похожа на морг и куда больше – на обычную больничную палату. За одной из ее стен, стеклянной, тянулся в стороны пустой, почти безликий коридор. Вдоль трех остальных, глухих (от цветовой гаммы за милю несет корпоративным единообразием), было расставлено множество диагностического оборудования, выводящего на множество мониторов всю его биометрию и массу прочих таинственных данных. Палаты никто не охранял. Никаких запорных механизмов на двери с виду не наблюдалось, но если дверь и заперта, стекло он наверняка вышибет – даже ударопрочное. Однако за этой послеоперационной палатой их еще неизвестно сколько...

Он огляделся в поисках предметов, которыми мог бы вооружиться, и вдруг удивился самому себе: отчего он постоянно оценивает обстановку с точки зрения тактики, как будто для него это – нечто обыденное?

Сидя в постели, он потирал висок и морщился от боли. Голова раскалывалась, точно мозг прострелило молнией. А еще он никак не мог понять, отчего так много знает, прекрасно осведомлен, что творится внутри его тела (что вряд ли нормально), однако никак не вспомнит, кто он такой (что ненормально наверняка). Правда, чувство полного контроля над собственным телом доставляло невероятное наслаждение. Он чувствовал себя таким сильным, будто способен на все. Разве что вспомнить, кто он такой, не в состоянии.

Проект «Бладшот»... Так сказал женский голос, когда он только-только пришел в себя. Ладно, пока что, за неимением лучшего, сойдет вместо имени – нужно же как-то себя называть. Это имя отчего-то казалось весьма подходящим, а он был готов ухватиться за все, что угодно, хоть отдаленно, смутно напоминавшее индивидуальность.

Дверь зашипела, сдвинулась вбок, впуская в палату знакомую лаборантку – на этот раз не одну. Спутник ее оказался постарше – мужчина лет, может быть, сорока с небольшим, физически крепкий, однако явной угрозы не представлявший. Переступив порог, женщина остановилась и указала в сторону его кровати. Мужчина шагнул вперед.

– Пришел в чувство и пребывает в полном сознании. Феноменально, – заговорил он.

Понаблюдав за женщиной еще пару секунд, Бладшот перевел взгляд на него.

– Ребята, а мы знакомы? – спросил он.

Оба держались так, будто знают его с давних пор, а вот сам он ничего подобного не чувствовал.

– Да, разумеется, конечно же!

Мужчина просто кипел от энтузиазма, а, судя по поведению обоих, главным был именно он.

– Рад приветствовать вас в «Ар-Эс-Ти» – «Райзин Спирит Текнолоджиз»! Я – доктор Эмиль Хартинг, заведу этим комплексом, а это – моя глубокоуважаемая коллега, Кей Ти.

– Кэти? – переспросил Бладшот.

– Это инициалы, – поспешно поправила его женщина. – Кей Ти.

Бладшот повернулся к ней. Он помнил, как она помогала ему, помнил заботу в ее голосе и странный прибор на шее. И словно затылком чувствовал взгляд Хартинга.

– Хорошо. Повернитесь ко мне, пожалуйста.

Бладшот, не торопясь, повернулся к доктору. Хартинг вынул из кармана световое перо и посветил в его глаза.

– Зрачки реагируют хорошо, – пробормотал доктор себе под нос. – Сетчатка выглядит здоровой. Глаза чисты, покраснения не наблюдается...

Последнее показалось Бладшоту немного забавным.

– Почему я здесь? Что со мной случилось? – требовательно спросил он, заново оглядывая палату.

Отчего-то его взгляд задержался на Кей Ти, и лишь после этого Бладшот вновь повернулся к доктору, прячущему в карман световое перо. Тут он заметил руку Хартинга – крайне сложный электронный протез, с виду работавший не хуже обычной, настоящей руки. Бладшот сдвинул брови и заморгал. Похоже, здесь все не без странностей...

– Скажите, вы что-нибудь помните? – спросил Хартинг.

– «Что-нибудь»? Малость широковато, док, – заметил Бладшот, анализируя собственную речь. Похоже, ей был присущ определенный, особый синтаксис. Может, западные штаты? Но некоторые элементы указывали на то, что ему довелось пожить и в других местах. И, опять-таки, отчего это определить он может, а вспомнить, кто он такой – нет? Нелепость какая-то. Кругом сплошные загадки!

– Да, прошу прощения, – поправился Хартинг. – Давайте начнем с самого легкого. Имя, звание, личный номер?

– Конечно. Меня зовут... Э-э... А, чтоб его!

Странное дело: на миг Бладшоту почудилось, будто свое настоящее имя он знает. Хотя до этого вспомнить его так и не смог. И эту ложную уверенность внушила формулировка вопроса, как будто ответ некогда был так крепко заучен, что должен слетать с языка сам собой, без раздумий. И тут ему пришло в голову еще кое-что.

– Погодите-ка... звание и личный номер?

Он знал: это очень важно.

– Да. Ваше тело пожертвовано нам вооруженными силами, – сообщил Хартинг.

Смысл этих слов Бладшот уловил не сразу.

– Мое тело?..

– Да. Выбор был небогат: либо к нам, либо в Арлингтон, – отвечал доктор.

Бладшот знал: в Арлингтоне находится главное национальное кладбище вооруженных сил США. Не знал другого: откуда ему это известно.

– Загадками говорите, док, – сказал он, хотя кусочки мозаики один за другим начали становиться на место: уж очень ему не нравилась картина, в которую они складывались.

– Понимаете, вы погибли.

Сочувствие. Может, притворное, а может, и нет, но Хартинг впервые заговорил по-человечески – не как мальчишка с лабораторной крысой.

Хартинг умолк. Бладшот тоже молчал, постигая невероятную правду. Пытаясь сжиться, примириться с тем, что заподозрил в тот самый миг, как очнулся запертым в собственном мертвом теле. Пожалуй, если он был мертв всего минуту-другую, все складывается. И электрошок – тоже дело понятное. А мозг, какое-то время не получающий кислорода, как известно, может необратимо пострадать – это вполне объясняет проблемы с памятью.

– Значит, я был солдатом, – сказал он себе самому.

Вот только, если он был солдатом и погиб в бою, то почему пришел в сознание здесь, где бы эта лаборатория ни находилась? Обстановка в палате совершенно нетипична для полевых госпиталей – в этом Бладшот был твердо уверен, хотя и не знал, отчего. Ну, а если он пробыл мертвым дольше, как его смогли реанимировать? И, главное, зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.